

Дата публикации 26.10.2026

УДК 159.99

Бородина А.С. Взаимосвязи компонентов романтической привязанности и психологических защит у молодых женщин.

Бородина Анна Сергеевна

студентка 4 курса бакалавриата кафедры психологии, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

anaborton@yandex.ru

Научный руководитель Жихарева Лилия Владимировна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, заведующий кафедрой психологии, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

The relationships between components of romantic attachment and psychological defenses in young women.

Borodina Anna Sergeevna

4th-year bachelor's student at the Department of Psychology, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University
anaborton@yandex.ru

Academic Supervisor Zhikhareva Liliya Vladimirovna

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor at the Department of Psychology, Head of the Department of Psychology, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University

Аннотация. Статья посвящена изучению взаимосвязей компонентов романтической привязанности и психологических защит у молодых женщин. Исследование выполнено в рамках поперечного неэкспериментального корреляционного дизайна. В анализ включены данные 88 женщин в возрасте 18–24 лет; средний возраст составил $19,45 \pm 1,48$ года. Оценивались семь компонентов романтической привязанности и 20 показателей психологических защит. Привязанность рассматривалась как совокупность непрерывных компонентов, без отнесения участниц к типологическим группам. Для анализа связей применялись ранговые корреляции Спирмена и частичные ранговые корреляции с контролем

возраста; при множественных сравнениях использовалась поправка Холма. Выявлены 13 статистически значимых связей. Доверие и уверенность отрицательно связаны с проекцией и изоляцией; амбивалентность положительно связана с диссоциацией; «цепляние» за партнёра — с регрессией, проекцией и компенсацией. Ревность и страх положительно связаны с регрессией, пассивной агрессией и компенсацией; стремление к сближению — с альтруизмом; самоподдержка — с изоляцией. Фрустрация положительно связана с изоляцией и диссоциацией. Полученные результаты характеризуют статистические взаимосвязи в женской подвыборке и не устанавливают причинных механизмов. Исследование имеет поисковый характер; результаты не следует распространять на мужчин или на молодых взрослых в целом.

Ключевые слова: психологическая защита; теория привязанности; романтическая привязанность; молодые женщины; доверие; амбивалентность; ревность; близкие отношения.

Annotation. The article is devoted to studying the relationships between the components of romantic attachment and psychological defenses in young women. The study was conducted using a cross-sectional non-experimental correlational design. The analysis included data from 88 women aged 18–24; the mean age was 19.45 ± 1.48 years. Seven components of romantic attachment and 20 indicators of psychological defenses were assessed. Attachment was considered as a set of continuous components, without assigning participants to typological groups. Spearman's rank correlations and partial rank correlations with age control were used to analyze the relationships; the Holm correction was applied for multiple comparisons. Thirteen statistically significant relationships were identified. Trust and confidence are negatively associated with projection and isolation; ambivalence is positively associated with dissociation; “clinging” to a partner is associated with regression, projection, and compensation. Jealousy and fear are positively associated with regression, passive aggression, and compensation; the desire for closeness is associated with altruism; self-support is associated with isolation. Frustration is positively associated with isolation and dissociation. The obtained results characterize statistical relationships in the female subsample and do not establish causal mechanisms. The study is exploratory in nature; the results should not be generalized to men or to young adults in general.

Keywords: psychological defense; attachment theory; romantic attachment; young women; trust; ambivalence; jealousy; close relationships.

Введение

Романтические отношения в молодом взрослом возрасте связаны с необходимостью согласовывать эмоциональную близость, автономию и

взаимную поддержку. Неопределённость намерений партнёра, разногласия и переживание возможного отвержения могут актуализировать различные способы переработки эмоционального напряжения. Изучение связи романтической привязанности с психологическими защитами позволяет уточнить, какие особенности переживания близости сочетаются с определёнными формами защитной регуляции.

Романтическая привязанность и психологические защиты описывают разные стороны психической жизни. Привязанность относится к ожиданиям относительно доступности значимого другого и способам поддержания эмоциональной связи. Защиты участвуют в преобразовании переживания конфликтов, импульсов и субъективных угроз. Их взаимосвязь не означает тождества: ревность не является самостоятельным защитным механизмом, а показатель проекции или изоляции не определяет тип привязанности.

Важное значение имеет выбор уровня анализа. Типологическое описание требует документированного алгоритма классификации и обоснованных порогов. При отсутствии таких оснований распределение участниц по типам может быть произвольным и сопровождаться потерей информации. Поэтому в настоящей работе привязанность рассматривается через непосредственно измеряемые непрерывные компоненты.

Возраст участниц составляет 18–24 года. В статье используется обозначение «молодые женщины», соответствующее составу анализируемой подвыборки. Понятие «психологические защиты» предпочтено более широкому термину «защитное поведение», поскольку эмпирическая оценка основана на самоотчётных шкалах, а не на наблюдении поведения в паре.

Цель исследования: выявить взаимосвязи компонентов романтической привязанности и психологических защит у молодых женщин в возрасте 18–24 лет с учётом возраста.

Объект исследования: привязанность личности.

Предмет исследования — взаимосвязь психологических защит с компонентами романтической привязанности у молодых женщин.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть современные представления о романтической привязанности и защитной регуляции.
2. Описать показатели компонентов привязанности и психологических защит у молодых женщин.
3. Оценить соответствие распределений исследуемых показателей нормальной модели.
4. Исследовать связи компонентов привязанности с психологическими защитами с контролем возраста.
5. Интерпретировать выявленные взаимосвязи и определить ограничения их обобщения.

Гипотеза исследования: Существуют статистически значимые корреляционные связи между показателями романтической привязанности и напряженностью Эго-защит.

Методы исследования:

1. Теоретические: обобщение, анализ, синтез;
2. Эмпирические:
«Методика измерения психологической защиты (МИПЗ)» Е. Р. Пилюгиной, Р. Ф. Сулейманова (2022).
«Мультиопросник измерения романтической привязанности, MIMARA» адаптация О. А. Екимчик, Т. Л. Крюковой (2009).
3. Методы математической статистики: общие математические методы, критерий Колмогорова—Смирнова с поправкой Лиллиефорса, коэффициент корреляции r -Пирсона, поправка Холма.

Теоретический обзор теории привязанности и механизмов защиты личности

Эволюция теории привязанности: от детского опыта к романтическим отношениям взрослых

В теории Дж. Боулби привязанность рассматривается как система поддержания близости со значимым другим в условиях угрозы [1].

Представления о собственной приемлемости и доступности партнёра участвуют в организации эмоционального опыта. Ранние отношения имеют значение для последующего развития, однако не должны рассматриваться как единственный и неизменный источник особенностей взрослой близости.

К. Хазан и Ф. Шейвер предложили рассматривать романтическую любовь как процесс привязанности [2]. В романтических отношениях партнёр может выполнять функции источника поддержки и безопасности. Вместе с тем взрослые отношения предполагают взаимность заботы, автономию и согласование потребностей и не сводятся к воспроизведению детско-родительского взаимодействия.

Размерностные модели взрослой привязанности обычно опираются на тревогу относительно отношений и избегание близости [3; 4]. Тревога связана с чувствительностью к возможному отвержению, а избегание — с дискомфортом при эмоциональной зависимости и сближении. Размерностный подход позволяет описывать индивидуальные различия без обязательного распределения людей по жёстким типам.

Для эмпирического исследования необходимо согласовывать теоретические конструкты с непосредственно измеряемыми шкалами. В настоящей работе анализируются семь компонентов: фрустрация, стремление к сближению, самоподдержка, амбивалентность, доверие и уверенность, ревность/страх, «цепляние» за партнёра. Эти показатели не преобразуются автоматически в типологические категории.

Современные исследования привязанности и романтических отношений

Е. А. Ваньшина и И. Н. Андреева изучали взаимосвязи показателей привязанности в близких и романтических отношениях у студентов [5]. Авторы показали, что избегание в близких отношениях положительно связано с фрустрацией, самоподдержкой и амбивалентностью в романтических отношениях и отрицательно — со стремлением к сближению и доверием. Беспокойство в близких отношениях было связано с фрустрацией,

амбивалентностью, ревностью, страхом быть покинутым и эмоциональным слиянием с партнёром.

Эти результаты поддерживают анализ отдельных компонентов привязанности. Они показывают, что характеристики эмоциональной близости имеют дифференцированные связи и не сводятся к единому показателю «надёжности». Особое значение имеет самоподдержка: её высокий уровень может отражать как автономию, так и ограничение обращения за помощью. Содержательный смысл этого показателя определяется его сочетанием с другими характеристиками отношений.

Е. Г. Трошихина и Х. Чжан исследовали романтические чувства и удовлетворённость отношениями студентов [6]. В структуре романтических чувств были выделены направления, обозначенные авторами как «гармоничная любовь» и «собственническая любовь». Первое объединяло близость, страсть, обязательства и преданность; второе включало характеристики, связанные с тревогой, ревностью и контролем отношений.

Работа показывает, что романтическая вовлечённость неоднородна по содержанию. Для настоящего исследования это важно при интерпретации доверия, ревности, стремления к сближению и «цепляния»: одинаковая выраженность близости может сочетаться с различными эмоциональными процессами. При этом исследование Трошихиной и Чжан не изучало психологические защиты непосредственно и не является прямым подтверждением связи привязанности с конкретными защитными механизмами.

Психологические защиты и их отличие от совладания

Психологические защиты участвуют в уменьшении субъективной угрозы и поддержании приемлемого образа себя [7; 8]. Их функции нельзя сводить исключительно к патологии: защитная переработка переживаний может временно поддерживать эмоциональное равновесие. Значение конкретной защиты определяется контекстом, гибкостью и последствиями её использования.

В обзорной статье Ф. Х. Ким психологические защиты рассматриваются как преимущественно неосознаваемые механизмы, направленные на

уменьшение негативных переживаний, связанных с внутренними конфликтами и угрозами целостности личности [9]. Автор описывает вытеснение, замещение, идентификацию, отрицание, проекцию, рационализацию, регрессию и реактивное образование. Для настоящего исследования важно разграничение отдельных механизмов: связь показателя привязанности с одной защитой не означает наличия единого защитного профиля.

Проекция может быть связана с приписыванием другому собственных неприемлемых переживаний, регрессия — с возвращением к более ранним способам реагирования, а рационализация — с построением объяснений, поддерживающих субъективную приемлемость собственных мотивов [9]. Эти определения задают направления интерпретации, но не означают, что конкретные действия участниц наблюдались непосредственно.

Защиты необходимо отличать от совладания. Совладание обычно предполагает более осознанные усилия справиться с требованиями ситуации, тогда как защитные процессы могут преобразовывать переживание без полного осознания этих преобразований. Поэтому показатели юмора, альтруизма или сублимации по опроснику защит не являются непосредственной оценкой эффективности копинга.

Защиты, копинг и антиципация в системе адаптации

Филиппова, Ледванова, Антонова и Барыльник предложили интегративную функционально-иерархическую модель, объединяющую психологические защиты, копинг-стратегии и антиципационную состоятельность [10]. В рамках этой модели защиты связаны с реактивным снижением напряжения, копинг — с более осознанным обращением с актуальными трудностями, а антиципация — с прогнозированием и предупреждением стрессовых ситуаций.

Авторы рассматривают взаимодействие уровней через координацию и компенсацию: недостаточная эффективность более осознанных и проактивных способов регуляции может сопровождаться усилением автоматических

защитных процессов [10]. Это положение является теоретической моделью и не устанавливает причинную последовательность в настоящем исследовании.

Для данной работы модель значима тем, что позволяет не смешивать психологические защиты с совладающими стратегиями. Показатель психологической защиты не позволяет автоматически заключить, что участница обладает или не обладает конструктивными копинг-ресурсами. Аналогично шкала «Предвосхищение» в методике защит не отождествляется с самостоятельным конструктом антиципационной состоятельности.

Привязанность и совладание в период вхождения во взрослость

Никифорова и Поскребышева изучали связи романтической привязанности, эмоциональной созависимости и индивидуального и диадического копинга у молодых людей [11]. Избегание близости было связано с меньшей готовностью информировать партнёра о личном стрессе и с более низкой оценкой диадического копинга. Созависимость сопровождалась меньшей склонностью к конструктивному решению проблем, а также большей выраженностью самообвинения, дистанцирования и ожидания самостоятельного разрешения трудностей.

Эти результаты подчёркивают значение привязанности для готовности обращаться к партнёру за поддержкой. При этом показатели совладания не тождественны психологическим защитами: снижение информирования партнёра нельзя автоматически назвать изоляцией аффекта, а дистанцирование в копинге — приравнять к диссоциации.

Современный контекстный подход также подчёркивает роль внешнего стресса, индивидуальной уязвимости и процессов взаимодействия пары [12; 13]. Поэтому особенности эмоциональной регуляции нельзя объяснять только характеристиками одной участницы, не учитывая условия отношений и поведение партнёра.

На основе теоретического анализа литературы нами была разработана концептуальная теоретическая модель исследования (рис. 1), предполагающая, что структура романтической привязанности находится в состоянии взаимной

координации и сопряженности с иерархией защитных механизмов личности (от примитивных эмоционально-регрессивных до высокоадаптивных когнитивно-зрелых защит).

Рисунок 1. Теоретическая модель исследования сопряженности компонентов романтической привязанности и психологических защит

Эмпирическое исследование психологических особенностей взаимосвязи романтической привязанности и механизмов защиты психики в юношеском возрасте

Программно-методическое обеспечение исследования

Эмпирическое исследование проводилось на базе ГБОУВО РК «КИПУ имени Февзи Якубова» и посредством онлайн-анкетирования молодых людей из крупных городов РФ (Симферополь, Москва, Санкт-Петербург). Выборку составили 104 респондента в возрасте от 18 до 24 лет. Гендерная структура выборки: 88 девушек. Средний возраст составил 19,45 года, стандартное отклонение — 1,48 года, медиана — 19 лет.

Диагностический инструментарий:

1. «Методика измерения психологической защиты» (МИПЗ) Е. Р. Пилюгиной, Р. Ф. Сулейманова (2022). Позволяет оценить выраженность 20 механизмов защиты по 45-балльной шкале.

2. «Мультиопросник измерения романтической привязанности» (MIMARA) в адаптации О. А. Екимчик, Т. Л. Крюковой (2009). Измеряет ключевые параметры романтической привязанности: стремление к сближению, ревность/страх отвержения, «цепляние», самоподдержка, амбивалентность.

Рассчитывались средние значения, выборочные стандартные отклонения, минимумы и максимумы. Для оценки соответствия распределений нормальному закону применялся критерий Колмогорова—Смирнова с поправкой Лиллиефорса. Поправка обусловлена тем, что параметры нормального

распределения оценивались по этой же выборке. Проверка выполнялась по 27 шкалам и рассматривалась как диагностическая, а не как подтверждение содержательных гипотез. Значение $p \geq 0,05$ не трактовалось как доказательство нормальности.

Связи семи компонентов привязанности с 20 показателями защит оценивались по 140 парам показателей. Рассчитывались коэффициенты Спирмена и частичные ранговые корреляции с контролем возраста. При расчёте частичных связей показатели преобразовывались в ранги; ранги каждого показателя регрессировались на константу и ранговый возраст, после чего коррелировались остатки.

Для частичных корреляций использовалось приближённое t -преобразование со 85 степенями свободы: $df = n - k - 2 = 88 - 1 - 2$. Для полного семейства из 140 проверок применялась поправка Холма. Основным считался уровень $p_{adj} < 0,05$. Все проверки были двусторонними.

По критерию Колмогорова—Смирнова с поправкой Лиллиефорса отклонения от нормальной модели при нескорректированном $p < 0,05$ выявлены по трём шкалам: стремление к сближению ($D = 0,0980$; $p = 0,0484$), регрессия ($D = 0,1134$; $p = 0,0104$) и предвосхищение ($D = 0,1355$; $p \leq 0,001$). По остальным 24 шкалам оснований отвергнуть нормальную модель при данном диагностическом пороге не получено.

Результаты проверки не использовались как единственное основание выбора метода: учитывались также тип данных и необходимость оценки монотонных, а не исключительно линейных связей.

Анализ результатов описательной статистики

Таблица 1. Компоненты романтической привязанности у молодых женщин, N =

88

Компонент	М	SD	Минимум	Максимум
Фрустрация	3,41	0,95	1,6	5,9
Стремление к сближению	5,38	0,97	2,4	7,0
Самоподдержка	3,95	0,90	1,8	6,5
Амбивалентность	3,79	1,16	1,1	6,6
Доверие, уверенность	3,79	0,92	1,8	5,8
Ревность/страх	3,88	1,12	1,4	6,4
«Цепляние» за партнёра	3,82	0,95	1,0	6,1

В исследуемой выборке наибольшее среднее значение получено по шкале «Стремление к сближению» ($M = 5,38$; $SD = 0,97$). Содержательно этот показатель отражает направленность на установление и поддержание близости с партнёром. Наименьшее среднее значение отмечено по шкале «Фрустрация» ($M = 3,41$; $SD = 0,95$). При сопоставимости шкальных оценок такое соотношение может указывать на то, что стремление к близости в данной выборке выражено заметнее, чем переживание неудовлетворённости отношениями.

Наибольшая вариативность показателей наблюдается по шкалам «Амбивалентность» ($SD = 1,16$) и «Ревность/страх» ($SD = 1,12$). Это свидетельствует об индивидуальных различиях участниц в выраженности противоречивых переживаний в отношениях и опасений, связанных с близостью. Полученные описательные показатели не позволяют установить преобладающий тип привязанности или отнести выраженность компонентов к высокому либо низкому уровню без обращения к нормативам методики.

Таблица 2. Показатели психологических защит у молодых женщин, N = 88

Защита	M	SD	Минимум	Максимум
Диссоциация	28,30	8,63	9	45
Регрессия	29,13	8,21	9	44
Ипохондрия	30,86	7,33	10	45
Изоляция	24,94	8,35	7	44
Вытеснение	23,40	5,67	8	38
Замещение	23,63	8,31	5	40
Проекция	27,48	7,66	8	42
Компульсивное поведение	28,67	9,78	5	45
Пассивная агрессия	26,24	6,20	9	42
Отрицание	19,94	6,11	5	37
Рационализация	25,43	5,54	13	41
Избегание	21,75	7,85	5	40
Реактивное образование	22,25	7,27	5	45
Компенсация	24,80	7,56	5	44
Всемогущий контроль	19,82	7,27	7	37
Сублимация	29,05	7,36	10	44
Альтруизм	30,58	7,39	12	45
Подавление	28,34	5,30	14	45
Предвосхищение	34,15	6,06	10	45
Юмор	30,76	6,98	7	44

Среди показателей психологических защит наибольшие средние значения получены по шкалам «Предвосхищение» ($M = 34,15$), «Ипохондрия» ($M = 30,86$), «Юмор» ($M = 30,76$) и «Альтруизм» ($M = 30,58$). Содержательно эти показатели характеризуют различные способы совладания с эмоциональным напряжением: предварительную подготовку к возможным трудностям, сосредоточение на телесном самочувствии, юмористическое переосмысление ситуации и направленность на помощь другим. Такое сочетание средних значений отражает неоднородность защитных способов реагирования на уровне выборки, но не означает, что все они одновременно выражены у каждой участницы.

Наибольший разброс баллов выявлен по шкале «Компульсивное поведение» ($SD = 9,78$), наименьший — по шкале «Подавление» ($SD = 5,30$). Следовательно, по первому показателю участницы различались сильнее, тогда как оценки подавления были более однородными.

Частичные ранговые корреляции

После поправки Холма на 140 проверок статистически значимыми остались 13 частичных ранговых корреляций (табл. 3).

Таблица 3. Значимые частичные ранговые корреляции с контролем возраста, N = 88

Компонент привязанности	Психологическая защита	Обычный ρ Спирмена	Частичный ρ	p_{adj} Холма
Доверие, уверенность	Проекция	-0,607	-0,611	< 0,00001
Амбивалентность	Диссоциация	0,537	0,529	0,00002
«Цепляние» за партнёра	Регрессия	0,502	0,485	0,00026
«Цепляние» за партнёра	Проекция	0,480	0,482	0,00031
Стремление к сближению	Альтруизм	0,471	0,458	0,00109
Ревность/страх	Пассивная агрессия	0,425	0,431	0,00423
Доверие, уверенность	Изоляция	-0,423	-0,430	0,00434
Самоподдержка	Изоляция	0,429	0,429	0,00459
Ревность/страх	Регрессия	0,412	0,423	0,00597
«Цепляние» за партнёра	Компенсация	0,440	0,417	0,00755
Фрустрация	Изоляция	0,411	0,411	0,01012
Фрустрация	Диссоциация	0,403	0,404	0,01319
Ревность/страх	Компенсация	0,359	0,372	0,04948

Наибольшая по модулю отрицательная связь выявлена между доверием/уверенностью и проекцией ($\rho = -0,611$), наибольшая положительная — между амбивалентностью и диссоциацией ($\rho = 0,529$). Более высокие показатели «цепляния» за партнёра были связаны с более высокими показателями регрессии, проекции и компенсации; ревности/страха — с пассивной агрессией, регрессией и компенсацией. Фрустрация положительно коррелировала с изоляцией и диссоциацией. Кроме того, обнаружены положительные связи самоподдержки с изоляцией и стремления к сближению с альтруизмом, а также отрицательная связь доверия/уверенности с изоляцией.

После контроля возраста направления связей сохранились, а изменения коэффициентов относительно парных корреляций были небольшими. Это указывает на устойчивость выявленной конфигурации связей к учёту возраста в пределах исследованной выборки.

Обсуждение результатов

Отрицательные связи доверия/уверенности с проекцией и изоляцией могут указывать на то, что более выраженное чувство безопасности в отношениях

сочетается с меньшей выраженностью приписывания собственных неприемлемых переживаний другому человеку и эмоционального отстранения от болезненного опыта. Такое объяснение носит предположительный характер: использованные методики не позволяют установить, направлены ли соответствующие защитные процессы именно на партнёра.

Низкое доверие может отражать не только защитную интерпретацию, но и реальную небезопасность отношений. В исследовании не оценивались поведение партнёра, удовлетворённость отношениями и опыт конфликтов, поэтому эти альтернативы сохраняются.

Положительная связь амбивалентности с диссоциацией означает, что более выраженная противоречивость переживаний в романтических отношениях сочеталась с более высокими баллами по шкале диссоциации. Одно из возможных объяснений состоит в том, что эмоциональное напряжение, связанное с противоречивыми чувствами к партнёру, может сопровождаться дистанцированием от субъективно трудных переживаний. Однако эмоциональное напряжение непосредственно не измерялось, поэтому данное объяснение требует дополнительной проверки.

Связь “цепляния” с регрессией может отражать сочетание выраженной потребности в подтверждении близости с тенденцией обращаться к более ранним способам эмоционального реагирования в условиях напряжения.

Связи ревности/страха с регрессией и пассивной агрессией могут соответствовать конфликту между стремлением сохранить близость и трудностью открыто выражать недовольство. Непрямое выражение напряжения теоретически может субъективно снижать риск открытого конфликта, но не обязательно способствует решению проблемы.

Положительные связи фрустрации с изоляцией и диссоциацией показывают, что более высокие баллы по этому компоненту привязанности сочетались с большей выраженностью двух защитных показателей. Возможным общим основанием этих связей является дистанцирование от эмоционально трудного опыта. Вместе с тем изоляция и диссоциация представляют разные

защитные процессы и не должны интерпретироваться как взаимозаменяемые механизмы.

Положительная связь самоподдержки с изоляцией указывает на сопряжённость двух шкальных показателей, но не позволяет отождествлять опору на себя с избеганием близости. Одно из возможных объяснений связано с сочетанием самостоятельной регуляции состояния и эмоционального отстранения от трудных переживаний. Для проверки этого объяснения необходимы дополнительные показатели обращения за поддержкой и эмоциональной регуляции.

Связь стремления к сближению с альтруизмом допускает интерпретацию через сочетание ориентации на контакт и готовности поддерживать партнёра. Однако альтруизм может выполнять разные функции, поэтому его нельзя автоматически считать признаком зрелого совладания.

В целом выявленные связи имеют избирательный характер: разные компоненты романтической привязанности соотносятся с различными показателями психологических защит. Доверие/уверенность отрицательно связано с проекцией и изоляцией, тогда как амбивалентность, «цепляние», ревность/страх и фрустрация положительно связаны с отдельными защитами. При этом положительная связь стремления к сближению с альтруизмом показывает, что обнаруженная конфигурация не сводится исключительно к сочетанию трудностей в отношениях с защитным дистанцированием. Результаты относятся к исследованной выборке молодых женщин и не устанавливают причинной направленности связей.

Заключение

В рамках исследования была рассмотрена взаимосвязь компонентов романтической привязанности и психологических защит у молодых женщин. Результаты показывают, что между отдельными характеристиками отношений и защитными механизмами существуют статистически значимые связи, однако они неоднородны и не позволяют свести особенности привязанности к действию какого-либо одного механизма.

Наиболее выраженная отрицательная связь выявлена между доверием и уверенностью в отношениях и проекцией: более высокие показатели доверия и уверенности сочетались с менее выраженной склонностью приписывать партнёру собственные неприемлемые переживания. Амбивалентность положительно связана с диссоциацией и регрессией, а ревность и страх — с регрессией и пассивной агрессией. Эти сочетания могут указывать на связь противоречивых переживаний в отношениях с использованием защитных способов совладания с эмоциональным напряжением, но не доказывают причинной зависимости.

Также выявлены положительные связи фрустрации с изоляцией и диссоциацией, самоподдержания — с изоляцией, а стремления к сближению — с альтруизмом. Их интерпретация требует осторожности: одинаковый защитный механизм может выполнять разные функции, а полученные корреляции сами по себе не раскрывают мотивы поведения участниц. Контроль возраста не изменил общей картины взаимосвязей, что указывает на относительную устойчивость выявленной конфигурации в пределах исследованной выборки.

Таким образом, цель исследования — изучить взаимосвязь компонентов романтической привязанности и психологических защит у молодых женщин — достигнута. Результаты подчёркивают важность комплексного рассмотрения эмоциональных переживаний в отношениях и способов психологической саморегуляции. При этом выводы относятся к исследованной выборке и не могут автоматически распространяться на всех молодых женщин; корреляционный характер анализа также не позволяет устанавливать причинно-следственные связи. В дальнейшем перспективно изучить эти взаимосвязи на более широкой выборке, учитывая опыт отношений, их длительность и особенности взаимодействия с партнёром.

Литература

1. Боулби Дж. Привязанность / Дж. Боулби / М.: Гардарики, 2003. — 477 с.

2. Hazan C., Shaver P. Romantic love conceptualized as an attachment process // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 1987. — Vol. 52, № 3. — P. 511-524.
3. Mikulincer M. Attachment in Adulthood: Structure, Dynamics, and Change. 2nd ed. / M. Mikulincer, P. R. Shaver / New York: Guilford Press, 2016. — 690 p.
4. Fraley R. C. Attachment in adulthood: Recent developments, emerging debates, and future directions // *Annual Review of Psychology*. — 2019. — Vol. 70. — P. 401–422.
5. Ваньшина Е. А., Андреева И. Н. Взаимосвязь показателей привязанности в близких и романтических отношениях // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. Психология*. — 2024. — № 2 (42). — С. 66–70.
6. Трошихина Е. Г., Чжан Х. Особенности романтических чувств и удовлетворенности партнерскими отношениями студенческой молодежи // *Мир науки. Педагогика и психология*. — 2025. — Т. 13. — № 1.
7. Фрейд А. Эго и механизмы защиты / А. Фрейд. — М.: Эксмо, 2003. — 256 с.
8. Субботина Л. Ю. Структурно-функциональная организация психологической защиты личности // *Ярославский педагогический вестник*. — 2011. — Т. 2. — № 4. — С. 258–262.
9. Ким Ф. Х. Механизмы психологической защиты // *Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences*. — 2022. — Т. 2. — № 8. — С. 318–323.
10. Филиппова Н. В., Ледванова Т. Ю., Антонова А. А., Барыльник Ю. Б. Психологические защиты, копинг-стратегии и антиципационная состоятельность как система механизмов психологической адаптации: комплексный обзор от истории к современности // *СибСкрипт*. — 2026. — Т. 28. — № 2. — С. 326–339.

11. Никифорова А. В., Поскребышева Н. Н. Опыт романтических отношений и совладающее поведение молодых людей в период вхождения во взрослость // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. — 2026. — № 2. — С. 416–430.

12. Simpson J. A., Rholes W. S. Adult attachment, stress, and romantic relationships // Current Opinion in Psychology. — 2017. — Vol. 13. — P. 85–90.

13. Pietromonaco P. R., Overall N. C. Applying relationship science to evaluate how the COVID-19 pandemic may impact couples' relationships // American Psychologist. — 2021. — Vol. 76, no. 3. — P. 438–450.